

ТЕМ ГАРЦЕНШТЕЙН

СВЯТО МЕСТО

ЧЕРНЫМ
БЕЛО
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г20

Иллюстрация на переплете
Карины Мид

Гарценштейн, Тем.
Г20 Свято место / Тем Гарценштейн. — Москва :
Эксмо, 2026. — 544 с.

ISBN 978-5-04-218110-8

Маленькое княжество терпит атаки Венца — огромного существа, против которого нет оружия. Его появление беспокоит не только людей, но и саму Смерть, которая из-за старой ошибки внимательно наблюдает за одной из семей княжества.

Гретхен — немая травница, чья жизнь подчинена судьбе. В борьбе с чудовищем она не чурается ни обмана, ни вероломства, ни даже отравления. Чтобы совершить предначертанное, Гретхен готова запачкать руки кровью. Но что делать, если чудовище — это твой бессмертный отец?

Флориан тренирует элитных солдат, призванных сражаться с Венцом. Презируя напрасные смерти, он желает спасти как можно больше людей. А в итоге падает в омут и влюбляется в королеву чертей.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

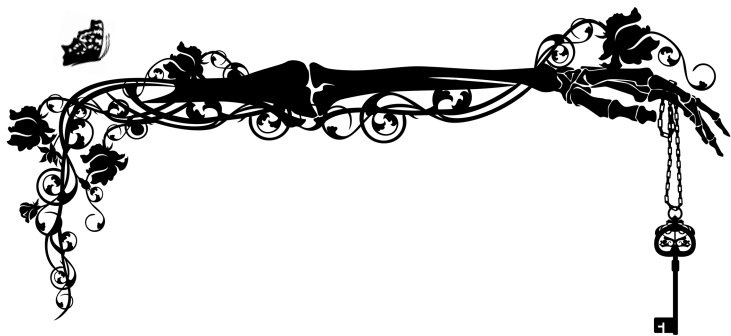
ISBN 978-5-04-218110-8

© Гарценштейн Т., текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

Кто ты такая, ядовитая ведьма, в сердце которой сокрыто название моего несчастья, на устах которой возникла моя отрава, по следам которой идет смерть?

*Древнеассирийское
заклинание*

ПРОЛОГ

Свою первую встречу с Венцом Юстин Ренн помнил отменно. Это случилось через месяц после исчезновения Доры. Юстин в то время служил в Жандармерии и был на очень хорошем счету у начальства, слыл исполнительным и принципиальным настолько, что его имя использовали как заклинание против взяточников.

Почти два метра ростом, широкоплечий и поджарый, Юстин двигался всегда неторопливо. В любую погоду на его плечах была серая шинель, а на ногах — лакированные штиблеты. Доходившие до талии волосы он никогда не завязывал лентой, поэтому они всегда чуть развевались при ходьбе. Глава Жандармерии, граф Михаил (для близких — Мишель) Азаров, несколько раз пугал Юстина выговорами и наказанием за неуставной внешний вид, но тот лишь закрывал голубые, как незабудка, глаза и тихо вздыхал. Он прекрасно знал, что был одним из лучших. По правде говоря, вообще лучшим, и никто его ни за что не накажет.

Юстин конечно, ошибся, потому что его наказал лично бог, когда отнял Дору.

После он пил. Не до потери памяти, а так, немного: рюмку водки с утра, пока любимая супруга спит, — и на

службу. Не пить было физически невозможно. Всюду была она — Дора, Дорушка, его дочь. Иногда шел по улице, и все расступались, смотрели снизу вверх, а он пытался взглядеться в каждое юное лицо. Все силился найти. Бывало, даже догонял кого-то похожего, оборачивал сильной рукой. Испуганный взгляд — нет, не Дора, снова не она.

В тот день Юстин выпил две рюмки перцовой водки, поэтому, когда на окраине города появился Венец, он сначала подумал, что сошел с ума. Его отправил лично Азаров — худой до торчащих ключиц, усатый генерал, который мечтал всю жизнь греть кресло в кабинете и никуда не высовываться. Юстин умылся, выпил ледяной воды из бочонка и догнал отправленный ранее отряд.

Людей на улицах почти не было, дороги оказались свободны. Конь, который порой и собак пугался, был спокоен, поэтому Юстин немного расслабился. А потом он услышал звук. Юстин облизнул губы и прищпорил коня. Звук был похож на скрежет металлической трубы, но только если эта труба величиной со старый дуб. По привычке Юстин ехал, смотря вниз, и поднял взгляд слишком поздно. Времени удивиться не хватило.

В метрах двадцати от него было нечто. Юстин уже читал отчеты от коллег из других городов, но никогда не видел Венца сам, а изображения не могли передать размах. Венец был огромен. Юстин попытался оценить размер на глаз: примерно десять метров в высоту и чуть больше в ширину. Два тонких гладких колеса, впаянных друг в друга, сохраняли покой.

Юстин поравнялся с остальными офицерами и невольно провел рукой по лицу, словно желая помолиться.

Жандармы отгоняли зевак, но люди, которым было любопытно посмотреть на Венец, не собирались уходить. Они упрямо приближались. Некоторые, вопреки

уговорам, бросали в Венца мелкие камни, словно желая разбудить его. Юстин, вслушиваясь в скрежет, чувствовал легкое возбуждение, какое бывает у азартных игроков перед решающей партией. Он никогда не видел ничего подобного, и это на целое мгновение выкинуло из головы мысли о Доре.

Он задержал дыхание и сделал шаг вперед. Возле Венца пахло мокрой землей. Молоденький жандарм позвал его тоненьким от страха голосом, но Юстин только отмахнулся. Венец был огромен и прекрасен настолько, что завораживал. Крики людей стали тише, собственное дыхание было не слышно. Остался лишь скрежет. Юстин зачарованно протянул руку, чтобы коснуться Венца. Мимо него пролетел камень и с гулким звуком ударился о колесо. Что-то брызнуло на щеку, липкое и горячее. Юстин вытер лицо и посмотрел на свои пальцы: кровь. Удивленно он уставился на Венца, а потом додумался повернуть голову. В нескольких шагах от него лежал юноша, и вся его грудь была алой.

Юстин сцепил зубы и отступил, столкнувшись плечом с другим офицером. Он приказал всем идти назад и тащить с собой гражданских, если понадобится, силой.

Грудь юноши была словно раздроблена чем-то узким и длинным, как хлыст. Юстин не видел никакого оружия.

Венец был неподвижен все это время.

* * *

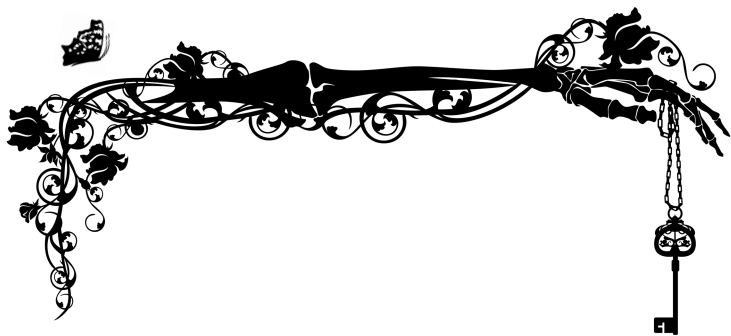
Невозможно найти в мире человека, способного объяснить природу Венца, и каждый описывал его по-своему. Для одних это было огромное колесо часового механизма, которое вращалось в метре над землей. Для других — глянцевый шар, в котором, как в зеркале, отра-

жалось небо. Но ни первые, ни вторые сами никогда не видели ничего подобного. Вся публичная информация о Венце держалась на слухах, потому что те немногие, кому посчастливилось встретить Венца и выжить, никогда бы не смогли описать увиденное.

Его сиятельство граф Юстин Ренн в докладе сейму писал: «Существо, которое мы именуем Венцом, напоминает два металлических колеса, что соединены друг с другом. Со стороны кажется, что в этой конструкции нет ничего хитрого, если не считать огромного размера и идеально гладкой текстуры. Но как человек, который видел Венец, могу с уверенностью сообщить вам: он живой».

1. Э К Л Е К Т И К А

Сказочное имя Флориан звучало мягко. Буквы, как ягоды, хотелось сминать на языке.

Может, если бы мама назвала его Эрнестом или Николаем, все сложилось бы иначе: не-Флориан попал бы в забытый всеми приют, где детей так часто бьют розгами, что спины получают в тоненькую полосочку — хоть прописи делай; выучился бы там, нашел бы работу на скотном дворе. А потом не-Флориан встретил бы хорошую девушку, женился бы, чтобы уже с ней прожить долгую, невыносимо монотонную жизнь, до краев заполненную ленью и скукой. А в конце, дойдя до той части, где жалеешь, что вообще родился и вырос таким жалким существом, не-Флориан умер бы, окруженный толпой шумной детворы.

Но так уж вышло, что Флориан родился именно Флорианом. Первые дни и даже годы жизни он походил на щенка, лупоглазого и упертого. Сидел в углу, что-то перебирал, иногда замирал и слушал, слушал, слушал. Мама тоже останавливалась и смотрела на него немигающим взором. Она никогда не спрашивала, что же он слушал, а Флориан не говорил.

Когда вырос и был уже таким, каким она, мать, и вообразить не могла, он, впервые взбираясь на громоздкого скакуна, как-то рефлекторно выдохнул: «Это лошади, мам, они совсем рядом с нами». Вот только она уже давно была мертва.

Были — конечно были! — ученики, готовые слушать его, разинув рты. Флориан всегда говорил негромко, порой монотонно, не пытаясь достучаться: кому надо — сами поймут, а с другими он и возиться не станет. И все жадно ловили каждое его слово, слушали, хлопали глазами, будто Флориан вот-вот сотворит филигранное волшебство.

Но никто не слушал его с таким немым восторгом, как мама, просто потому, что этот мелкий кучерявый мальчик — ее обожаемый сын. Слово какое тяжелое: сын. Она и не надеялась вовсе, а он, живой и здоровый, как-то из нее вырос и задышал.

Уже больная чахоткой и очень-очень усталая от несправедливой жизни, София сидела, подперев кулаком подбородок, и любовалась, как мальчишка медленно жует сухой кусок хлеба. Крошки падали на пол, и он, смущаясь, глядел на них. «Я потом уберу, мам». Она молчала. Не было сил говорить — оставалось только смотреть на бледное родное личико и вдыхать призрачный аромат скорой смерти.

У Флориана были круглые мягкие щечки, и он так смешно жевал, что София не удержалась и коснулась теплой кожи. Флориан остановился и посмотрел на мать. Ешь, ешь, милый, все хорошо. Она часто заморгала, и сын покрылся мутной рябью, будто она смотрела на него через тонкий слой воды.

Флориан зарекался больше никогда не думать о прошлом, потому что в переживаниях неприметных воспоминаний было столько отчаяния, что он никак не мог понять, его ли это жизнь.

* * *

С улицы доносился детский звонкий смех. Ученики, наслаждаясь переменной, гоняли мяч во дворе. Легкий ветерок трепал страницы свежего «Вестника Соральдо», лежащего на письменном столе учителя.

«Коллеги и друзья поздравляют главу Комитета охраны, кавалера трех Орденов Чести, его сиятельство генерала Эдуарда Ферхова.

Господин Ферхов празднует тридцать лет военной службы, и эта круглая дата отмечается с размахом. Ходят слухи, что государь император лично телеграфировал генералу и пожелал долгих лет здоровья.

Наша редакция с радостью присоединяется ко всем поздравлениям. Хотим подчеркнуть, что его сиятельство всегда был оплотом безопасности нашего княжества и лицом настоящего мужества. Долгие годы генерал Ферхов лично отвечал за безопасность ее высочества, но после реформы...»

Флориан Винклер лениво перевернул страницу.

«Государь император прибыл с визитом в Алертан. Король восточной страны горячо приветствовал его величество и пообещал, что переговоры пройдут в конфиденциальной обстановке. К сожалению, мы должны сообщить дорогим читателям, что журналы туда не допустят.

Предлагаем вам вспомнить высочайший визит в Соральдо сорок лет назад, когда князь Петр Риндель подписал указ о присоединении к империи...»

Зашелестели страницы. Флориан подавил зевок и остановил взгляд на крупном заголовке.

«Деревни умирают.

Монстры, которых Теневой сыск прозвал Венцами, все чаще появляются в деревнях княжества. Если прежде Венцы были замечены в местах безлюдных, то последние вести звучат весьма тревожно.

Если эти существа, которым сыск так и не дал объяснения, имеют разум и контролируют свое местонахождение, то можем ли мы быть уверенными, что завтра Венец не появится в центре столицы?

Надеемся, у статхаудера (его сиятельство Ренн самолично велел именно так величать его должность. — Прим. ред.) есть ответы на вопросы, которые сейчас волнуют всех».

В дверь настойчиво постучали, и Флориан бесцветным голосом велел входить.

На пороге стоял высоченный мужчина. Глаза его были круглые, словно он очень чем-то удивлен, а щеки румяные, как у девицы.

— Господин Винклер, — гость наклонил голову, чтобы зайти в класс, — мы можем поговорить?

Флориан поморщился. Прославленная фамилия деда звучала неуместно в школе для бедных.

— Зависит от темы разговора. — Он покосился на окно. — У меня скоро урок на свежем воздухе, не хочу заставлять детей ждать.

Гость улыбнулся одними губами и погладил крупный перстень с квадратным топазом.

— Вы не похожи на учителя. Да и на внука Исаака Винклера тоже. — Поймав хмурый взгляд Флориана, он сел и продолжил: — Я ожидал встретить изящного юношу, похожего на одного из столичных аристократов. Вы, — гость окинул внимательными глазами Флориана и снова фальшиво улыбнулся, — меня приятно удивили. И я со-

гласен, нам не стоит тратить время зря, поэтому быстро перейду к делу. Мое имя...

— Мне известно, кто вы. — Флориан откинулся на спинку стула. — Узнал сразу же, как только вы вошли, господин Ренн.

— Не думал, что настолько популярен. — Ренн сцепил пальцы в замок и на миг прикрыл голубые глаза.

— Бросьте, о вас не судачат только глухие!

Граф вытянул вперед длинные ноги и задумчиво посмотрел на потолок. Деревянные доски кое-где покрылись плотной паутиной.

— Я пришел не о себе говорить. — Ренн криво усмехнулся, и в уголке рта блеснул золотой зуб. — У меня есть к вам предложение, господин Винклер.

— Для начала избавьте меня от этого «господин Винклер». Вы сами сказали, что я не похож ни на аристократа, ни на внука Исаака.

— Хорошо, Флориан. — Ренн сел ровнее, расстегнул воротник рубашки. — Но одно я хочу уточнить: что-то от деда у вас все же есть. — Он провел ладонью по столу, словно вытирая пыль. — Не только обо мне ходят слухи. Я навел кое-какие справки. Исаак несколько лет был вашим наставником. Человек его таланта, бесспорно, передал вам часть своих знаний. И это то, что мне нужно.

Флориан еле сдержал смех:

— Вы что, вербуете меня?

— Не стану отрицать.

— Зря пришли. Я учитель, а не военный.

— В вашем возрасте я неплохо играл на скрипке, но вот куда привела меня жизнь. Я не хочу сделать из вас бездумного солдата, вы мне нужны как учитель.

В темно-синих глазах Флориана мелькнуло непонимание. Он стушевался, не зная, как ответить.